

[Боже мой, как же это красиво! Я уверена, что, когда она пела, она думала об учителе Бая. Она была так эмоциональна, она, должно быть, очень сильно любила учителя Бая. Почему же они расстались?!]

[Фу, ведь это не её песня. Что тут такого в том, чтобы петь чужую песню? Если бы у неё были способности, она бы сама написала её!]

[Сестра, которая только что кричала, что Гу Синьжань должна посоревноваться с Ло Бин в пении, прости! Я недооценила свою айдол. Ты, черт возьми, вылезай и получи свою порцию!]

[Пение Гу Синьжань действительно не уступает профессиональным певцам. Пение — это тоже выражение эмоций. Слушая её голос, я чувствую её эмоции, её исповедь, её выражение. Когда поёт Ло Бин, больше техники, чем чувств. Это не нужно.]

[Гу Синьжань заплакала! Она плачет, пока поёт! Должно быть, она вспомнила учителя Бая!]

[Я вижу слёзы в её глазах, и я чувствую, что в её сердце есть свет!]

[Это явно фонограмма! Сколько заплатили съемочной группе, чтобы её оправдали?]

[Смешно, в таких условиях говорить, что она поёт под фонограмму. Если это так, то и ваша айдол тоже поёт под фонограмму!]

[Фанаты Ло Бин упрямы, как ослы! Если она пела под фонограмму, то и все работники на месте, и ваша айдол — глухие? Играете? Фанаты Ло Бин, включайте мозги, окей? Ой, простите, я забыла, что у вас их нет.]

В разделе бегущих комментариев разгорелся жаркий спор, а ведущие в прямом эфире были настолько ошеломлены, что даже не могли вставить слово.

.....

В съемочной группе все переглядывались, недоумевая, и в один голос произнесли:

— Что за чертовщина?

Даже Бай Илань была слегка шокирована, а затем нахмурилась, и в её ясных глазах промелькнула тень сомнения.

.....

В пещере все так или иначе смотрели на Ло Бин, как будто ожидая увидеть её реакцию.

Как и ожидалось, выражение лица Ло Бин и Чжан Тинтин было просто шедевральным: то краснели, то бледнели, как будто играли в смену масок. При ближайшем рассмотрении можно было заметить, что на лбу Ло Бин уже выступили мелкие капельки пота, что говорило о её внутреннем потрясении.

— Нет, я хочу ещё! Синьжань, спой ещё одну! — Хо Цзе, всё ещё находясь под впечатлением от уникального голоса Гу Синьжань, смотрела на неё с ожиданием.

— Я... больше не умею, — Гу Синьжань смущённо улыбнулась.

Она знала не так уж много песен, и эту выучила только потому, что Сяо Е её очень любила.

Позже, когда она поняла, насколько прекрасны слова песни, она спела её Илань.

Она даже говорила, что будет петь эту песню Илань всю жизнь, пока они обе не состарятся, и тогда они смогут сидеть у костра и вспоминать молодость.

— Только эту песню? Не может быть!

— Потому что у этой песни есть особое значение.

— О? Неужели ты спела её специально для учителя Бая?

Все с любопытством посмотрели на неё, но сразу же поняли, что, возможно, сказали что-то не то.

Гу Синьжань мягко улыбнулась, не придав этому значения, но больше не стала говорить.

.....

В съёмочной группе все уже перешли от шёпота к громкому обсуждению.

В основном разделились на два лагеря: одни считали, что Гу Синьжань действительно изменилась и стала совершенно другой, а другие полагали, что это просто экранный образ. В конце концов, привычки меняются с трудом, и даже если она действительно изменилась, невозможно полностью преобразиться за такой короткий срок. Итак, вывод: всё это игра.

Мин Чжэнь с подозрением подошла к Бай Илань:

— Она действительно пела тебе эту песню? Но если бы она пела, ты бы знала, что она так хорошо поёт. Почему ты никогда об этом не упоминала?

Спросив это, Мин Чжэнь заметила, что лицо Бай Илань явно стало мрачным, и та сразу же отложила телефон, призывая всех готовиться к съёмкам.

??? Что происходит? Она не пела ей? Тогда что Гу Синьжань имела в виду под «особым значением»? И этот её глубокий взгляд, когда она пела...

«Чёрт возьми! Может, она пела это для другой женщины, которую держит в стороне?! Эта мерзавка! В следующий раз, когда увижу её, дам ей пару пощёчин, чтобы выпустить пар!»

.....

В пещере атмосфера была крайне напряжённой. Ло Бин и другие молчали, Гу Синьжань, казалось, погрузилась в свои мысли, а работники съёмочной группы тоже не решались говорить. Ситуация зашла в тупик.

Шэнь Цань и Хо Цзе часто переглядывались, пытаясь дать понять друг другу, что кто-то должен спасти положение.

— Эй, может, я спою вам что-нибудь? — Шэнь Цань, собравшись с духом, предложила.

— Лучше не надо, ты поёшь ужасно, — Фан Цзинхай вовремя подколол её.

— Фан Цзинхай, ты скоро останешься без работы, знаешь ли!

Все рассмеялись, и атмосфера немного разрядилась.

Шэнь Цань пела ужасно, но ей удалось развеселить всех, и даже работники съёмочной группы присоединились к её воплям. Всё неожиданно стало веселее.

[Хахаха, Цаньцань — это что-то! Она поёт так ужасно, но так весело, будто я в караоке [собака]]

[Все, смотрите на выражение лица Ло Бин! Она всё время смотрит на Гу Синьжань, и её лицо какое-то странное!]

[О боже, Ло Бин скоро покажет своё истинное лицо! Фанаты Ло Бин, где вы? Ваша сестрёнка не была милой и доброй? Тогда почему она смотрит с такой ненавистью, будто хочет съесть её?]

[Чёрт, оказывается, она настоящая белая лилия!]

[Честно говоря, я пришла смотреть шоу из-за Ло Бин, но после этого я стала фанаткой Гу Синьжань. Что делать?]

[Сестра, быть фанаткой Синьжань — это не промах. Она — скрытая жемчужина, девушка-сокровище. Я, как её фанатка, только сегодня узнала, что она так хорошо поёт [собака]. Жизнь полна сюрпризов, я не фейковый фанат, просто она слишком скромна!!]

Гу Синьжань улыбалась, слушая, как все поют, временно отбросив свои переживания. Ло Бин была не так расслаблена, её лицо оставалось серьёзным, а в её взгляде на Гу Синьжань читалась тень злобы.

Гу Синьжань заметила её взгляд, посмотрела на неё и улыбнулась, что чуть не довело Ло Бин до кипения.

.....

Уже глубокая ночь, самое время, когда люди наиболее устали. Все уже не могли продолжать веселиться и, развалившись, прислонились к стенам пещеры, засыпая.

Дождь и ветер снаружи постепенно стихли, и в пещере наступила тишина. Кроме звуков дождя снаружи, слышалось только дыхание спящих и треск костра.

Гу Синьжань огляделась, убедившись, что все спят, и тихо добавила сухой травы в огонь, чтобы он горел ярче. Затем она задумчиво уставилась на пляшущие языки пламени.

.....

В съёмочной группе тоже завершили работу на сегодня. Бай Илань, выглядевшая уставшей, поблагодарила всех за труд и вместе с остальными убрала реквизит, после чего все разошлись.

В машине Бай Илань сидела на пассажирском сиденье, потирая лоб.

— Что-то не так? Голова болит? Ты же могла следить за дневными съёмками, зачем тебе нужно было приходить на ночные? Полночи без сна, даже железный человек не выдержит, — Мин Чжэнь, управляя машиной, ворчала, но потом вспомнила, что Бай Илань уже давно страдает бессонницей и ночью не может спать. И сегодня она ещё увидела передачу с Гу Синьжань...

— Может, я отвезу тебя на массаж, чтобы ты расслабилась?

— Не надо, поедem домой.

Бай Илань смотрела в окно, погружённая в свои мысли.

— Эй-эй, только не говори, что ты думаешь о ней!

— Нет, но...

— Никаких «но»! Я признаю, что в передаче она вела себя как человек, было за что похвалить, но это всё-таки запись программы. Ты сама в этой сфере, ты знаешь, сколько масок носят актёры. Я точно не верю, что человек может так быстро измениться. И не забывай, её капризы я ещё могу терпеть, но измену она никогда не сможет оправдать!! Я ни за что не позволю тебе вернуться к ней, опомнись, Бай Илань!!

— Хорошо.

— Не отмахивайся! Скажи: «Хорошо, я поняла!»

Бай Илань с улыбкой ответила:

— Хорошо, я поняла, младший президент Мин.

Мин Чжэнь всё ещё беспокоилась:

— Сегодня ночью у тебя.

.....

Ночью Бай Илань ворочалась в постели, снова не могла заснуть. В её голове звучала песня, которую пела Синьжань, и её глубокий взгляд глубоко запечатлелся в её памяти, делая её образ до боли незнакомым.

Она никогда не слышала, чтобы она пела эту песню. Так в чём же её особое значение?

<http://bllate.org/book/16851/1550813>